

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 2—4

(1933)

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

ОБЗОРЫ ЛИТЕРАТУРЫ

С. Ф. Ольденбург

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ИНДИЙСКИХ РАБОТАХ ПО ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКЕ ИНДИИ

1. Ramesh Chandra Majumdar. Corporative life in ancient India. Second edition, revised and enlarged. Poona, 1922.—2. Narayan Chandra Bandyopadhyaya. Kautilia or an exposition of his social ideal and political theory. In two independent volumes. Vol. I. The art of good government. Calcutta, 1927.—3. Dr. Pran Nath. A study in the economic condition of ancient India (Asiatic. Soc. Monographs, v. XX). London, 1929.

Несомненно, что среди индийских ученых за последние годы пробудился живой интерес к индийской истории и экономике, в то время как раньше они преимущественно интересовались историей религий, вопросами права и, больше всего, изящной литературой и философией. Поворот этот весьма знаменательный, нам в Союзе он хорошо знаком—это первый серьезный шаг приближения науки к жизни.

Крайне ненормальное положение дела выписки иностранной литературы в библиотеках академических учреждений позволяет мне говорить лишь о небольшой части трудов индийских ученых, заглавия и содержание которых мне известны в значительном числе по библиографиям и рецензиям.

Из доступной мне в Ленинграде литературы я выбрал на первый раз три работы, вышедшие в свет в годах 1922—1929. Я делю их на две группы: в первую входят две книги: Маджумдара и Бандьопадьяя, во вторую книга д-ра Пран Ната. Основная цель разбираемых трудов, кроме сообщения определенных фактов и некоторого их обобщения, увязать прошлое Индии с его настоящим. Преемники великой старинной культуры, научные работники современной Индии, желают показать как многое из того, что теперь стоит на очереди дня в культурном строительстве, уже давно в той или другой мере предусматривалось старинной индийской культурой. К сожалению, в большинстве случаев националистические увлечения лишают индийских специалистов необходимой объективности и заставляют их забывать о ходе исторического процесса.

Из разбираемых мною сейчас книг первые две являются яркими представителями националистического направления, и при разборе это все время придется иметь в виду.

Тема первой книги «О корпоративной жизни в Индии» выбрана, несомненно, очень удачно, так как до сих пор в этом отношении мы не имели ни собрания материала, ни критической его проработки, кроме известной и несколько позабытой книги д-ра Фика, говорившей о социальном устройстве северо-восточной Индии во время Будды.

К сожалению, у автора Р. Ч. Маджумдара сложилось очень скоро определенное представление о том, что жизнь корпораций, общин, гильдий и тому подобных сообществ занимала чрезвычайно большое место в общей жизни древней Индии, и соответственная установка дана всей книге. Между тем, источники не дают нам достаточного материала, при теперешней их разработанности, для того, чтобы быть уверенным в правильности взгляда автора. Многое, как всегда в таких случаях, зависит от правильного истолкования специальных терминов, из которого потом делаются те или другие выводы.

Между тем, автор далеко не всегда в этом отношении достаточно убедительно обосновывает свои толкования терминов. Остановлюсь на двух: *gaṇa* и *śreṇī*. Прежде всего одно замечание общего характера, которое, как мне кажется, надо всегда иметь в виду при вопросах терминологии: никогда не надо забывать, что одно и то же слово в разные исторические формации и эпохи, в разных местностях и в разной социальной среде имеет терминологически ряд значений и, при необходимом, конечно, уточнении каждого термина, надо очень остерегаться уравнительной тенденции. Необходимо всегда учитывать всестороннее окружение каждого термина.

Слово *gaṇa* имеет обыкновенно значение: сообщество, корпорация, гильдия, община и схожие значения, но кроме того может значить и просто «группа людей», а затем специально и «небольшой военный отряд». В последнее время автором третьей из разбираемых нами книг д-ром Прам Натом было выдвинуто предположение, что *gaṇa* обозначает и известную территориальную единицу. Мнение это мне представляется пока не окончательно еще доказанным, но я привел его, чтобы показать, как пока еще необходимо крайне осторожно обращаться с терминами. Д-р Прам Нат говорит: «Происхождение всех теорий, выдвигаемых для доказательства существования некоторой демократической формы правления древней Индии, восходит в значительной мере к непониманию социального положения и политической власти тех народных классов, которые имеются в виду под названиями *kula*, *gaṇa*, *gāṇa*, *bhoja* и т. д. Надо пожалеть, что ряд источников, имеющих отношение к этим классам, цитируются не полностью, а другие истолковываются в смысле, который не может быть им придан».

По отношению к слову *сепи* автор хочет видеть при соединении его с словом *вала*, *bala*, какую-то форму военной организации корпораций. К сожалению, им не приведены убедительные доказательства его толкования термина. Вместе с тем автор желает показать то большое значение, которое придавалось корпорациям и ссылается при этом на Махабхарату. Но при этом он делает то, на что указывал Пран Нат, он сокращает цитату, и смысл значительно меняется. Текст говорит о грозных последствиях несоблюдения обязанностей по отношению к корпорации, по сокращенной цитате; в тексте же говорится одновременно и о касте, что разумеется ослабляет аргументацию, так как наряду с корпорацией стоит еще и каста, и нет того выделения значения именно корпораций, которое принимает автор.

Я остановился подробнее на некотором увлечении со стороны автора чрезвычайно, несомненно, ценным и любопытным материалом, потому что мне хотелось показать, как определенная, заранее принятая точка зрения влияет на оценку и понимание первоисточников, приводя затем к выводам, не оправдываемым исследованным материалом. Не подлежит сомнению, что корпоративные организации в прошлом Индии играли определенную роль, как они играют ее и теперь, но мы пока не имеем достаточных критически проверенных данных для того, чтобы сказать, каковы, в действительности, в индийской социальной жизни были значение и роль корпораций и в какой обстановке их значение возрастало или падало. Число источников очень велико, и Р. Ч. Маджумдару удалось собрать их значительное количество и большая его заслуга, что он привлек для своей работы надписи, которыми пока еще недостаточно пользуются. К сожалению, он, как и большинство индийских исследователей, брал понятие Индии как одного целого, между тем как мы, несомненно, в разных частях Индии имеем дело с совершенно разными условиями жизни, с разным социальным строем. Это отражается и в литературных источниках, по отношению к которым мы не имеем еще достаточной выясненности важного вопроса о том, в какой мере литературные источники отражают точно действительную жизнь с точки зрения определенных классов или же в них кроме того отражаются индивидуальные теоретические подходы отдельных авторов, раскрывать классовые корни которых иногда очень трудно. Эта большая работа, совершенно при том необходимая для правильных выводов, ни Р. Ч. Маджумдаром, ни кем-либо другим еще не проделана. Несмотря на указанные выше недостатки, проистекающие от националистического увлечения автора, книга новостью постановки темы и привлечением обильного свежего материала выгодно отличается от следующей разбираемой нами книги.

Широко ставший теперь известным политический трактат, отражающий строй феодальной Индии «Арташастра» Каутильи, сделавшийся доступным

в подлиннике менее тридцати лет тому назад, естественно обратил на себя внимание специалистов в Индии и в Европе, и о нем уже существует большая литература. Лектор по истории и антропологии Калькуттского университета Н. Ч. Бандьонадия посвятил «Арташастре» большое исследование, первый том которого имеется теперь у нас, вышел он в 1927 г., вышел ли уже второй том мне неизвестно, но так как указано, что оба тома независимы друг от друга (two independent volumes), то я считаю возможным дать разбор имеющегося уже первого тома. Автор озаглавил свой труд «Каутилья, или изложение его социального идеала и политической теории», а первый том специально — «Искусство хорошего управления».

Определенно националистический подход автора к выполнению его задачи высказался уже в предисловии, из которого я поэтому считаю необходимым дать некоторые выдержки: «Я сделал, что мог», говорит автор, «чтобы отметить особенности индийской социальной и политической эволюции, которые, повидимому, представляются единственными в своем роде. В Индии мы имеем особый тип социальной организации, хотя и основанной на, повидимому, узких принципах, но представляющей перспективы не только широкие, но и в высшей степени симпатичные и гуманные. Разнообразие этнических элементов стояло действительно на пути социального единообразия, но тем не менее задачи общества не были сужены до исключения разнородных элементов в интересах немногих правящих. Таким образом выросла федеративная социальная организация с гетерогенными разделами, которые все были объединены в достижении общей цели, подобно членам живого организма. Цели и функции политической власти тоже соответственно видоизменялись. Несмотря на основные различия, коренные отличия и традиционные привилегии различных разделов [народа], царь сделался защитником прав всех независимо от касты и веры и сосредоточил свое внимание на преуспевании материальных потребностей всех классов подданных. Он был покровителем всех, и на него стали смотреть, как на отца его подданных, хотя во многих отношениях его авторитет был ограничен».

Вряд ли кто согласится признать подобного рода историческую концепцию научной, но и в самой книге автор делает исторические построения совершенно неприемлемые. «Как очевидно всем историкам Индии», говорит автор (стр. 86), «участие народа в политике почти пришло к концу в заключении периода упадка племенных государств. Возник буддизм, и с ним дело абсолютизма и империализма косвенно получило мощную поддержку». Автор считает, что «религия отвратила к себе внимание людей от политики». Ослабла оппозиция тирании, и боязнь потерять привилегии сделала духовенство союзником власти. Тут является школа Арташастры, стоящая за усиление царской власти, политика становится имморальной, растет милитаризм, как следствие учения этих политиков, с ними

завоевания, накопления через них богатств, которые делают царя независимым от народа. Это история Индии от VI до IV в. до н. э. Тут автор еще говорит о пессимистических религиях, имея в виду прежде всего буддизм: «наступает век, когда человечество забывает истинные цели жизни и жаждет смерти и конечного разложения. Наконец является реакция против пессимизма и появляются прямо противоположные учения, они говорят о необходимости радостей жизни, начинает царить материализм, который тоже в свою очередь является крайностью. Компромисс находит Каутилья в «Арташастре», у него есть известные материалистические склонности; они однако, по мнению автора, соединяются с верою в загробную жизнь.

Из каких источников автор почерпнул эти фантастические представления об истории Индии он не говорит, да и конечно не мог бы сказать, потому что они принадлежат ему самому и, разумеется, не отвечают никакой действительности. Мне кажется, что излишне после этого еще говорить об «историческом» исследовании автора, где дальше излагается содержание «Арташастры» с крайне субъективными комментариями; достаточно будет еще дать пример националистического увлечения автора в трактовке вопроса. Националистическое увлечение сказывается во всей книге и, к сожалению, сильно отзывается на объективности подхода к исследуемому предмету.

Так, например, в важнейшем вопросе о рабстве, автор хочет сделать из Каутилья какого-то борца против рабства и говорит: «Отношение Каутилья к рабству стоит особо, как яркий свет либерализма и человечности в варварский век»; при этом автор увлеченно противопоставляет Каутилью Аристотелю, которого он считает современником индийского политика.

Если бы автор вместо того, чтобы прибегать к таким по существу не выясняющим дело характеристикам, во-первых, дал бы себе труд внимательнее всматриваться в текст, где имеются в виду не жители Индии вообще, а лишь «ария», т. е. представители господствующих классов, а затем вообще познакомился с вопросом о рабстве и рабах в Индии, то он увидел бы, насколько не ясен еще этот вопрос, но что он вместе с тем и не играл, повидимому, существенной роли в Индии, и потому ясно, что никакой борьбы против института рабства Каутилья не вел. В дальнейших комментариях книга Бандьопадьяя, мне кажется, не нуждается.

Следующая подлежащая разбору книга принадлежит профессору экономики в Индийском университете в Бенаресе д-ру Пран Нату и чрезвычайно выгодно отличается от первых двух разобранных мною книг.

Задавшись целью уяснить по первоисточникам ряд предпосылок, необходимых для понимания экономики прошлого феодальной Индии, д-р Пран Нат остановился на ряде не выясненных до сих пор вопросов и постарался их по мере

сия разрешить. Следует признать, что он очень интересно поставил вопросы и дал ряд ценных разъяснений, если не окончательных разрешений, вопросов, которые смущали до сих пор специалистов и к которым исследователи, вроде двух предыдущих, подходили чересчур упрощенно.

Прежде всего поставлен вопрос о территориальном делении древней Индии, постоянном камне преткновения исследователей. Мы имеем точные данные о делениях современной Индии и вполне понимаем современную терминологию; в значительной степени столь же благополучно обстоит с нашим пониманием вопроса для времени великих моголов. Но как только мы подходим к Индии до моголов, мы стоим перед рядом вопросов, все еще не разрешенных, перед нами длинная вереница терминов, которые мы пока понимаем еще весьма приблизительно и потому не можем их использовать для выяснения экономических отношений. Здесь особенно ясно чувствуется, как правилен наш новый подход к работе, в котором столь крупное место мы уделяем вопросам точной терминологии. Взять первый же вопрос, поставленный д-ром Праан Натом, — территориальные деления: неверное или неточное понимание терминов сразу приведет здесь к ложным выводам. А насколько труден вопрос видно уже и по тщательному исследованию нашего автора: он привлекает ряд совершенно новых источников и по-новому анализирует уже известные. Но как ни тщательно работает автор, он в данном вопросе впал невольно в ту же методологическую ошибку, в которую, как я уже раньше говорил, впадают часто при изучении терминологии; к ней обыкновенно подходят слишком механистически: устанавливают одно или несколько даже значений термина и полагают, что дело сделано. Между тем, прежде всего мы постоянно убеждаемся в том, что вполне устойчивого точного употребления терминов очень часто не было в самых разных областях человеческого обихода и что мы, давая совершенно точное определение известного термина, искажаем его реальное, жизненное применение. Кроме того, постоянно происходят ошибки от одинакового толкования термина в разной социальной среде, в разное время, в разных местностях. Возьму один пример из книги д-ра Праан Ната. Термин *gāma*, чрезвычайно важный для понимания сельской экономики Индии. Традиционный перевод этого термина, который держится и до сих пор, — деревня. Автор вполне убедительно доказал, что если держаться этого понимания, то совершенно непонятными делаются громадные цифры *gāma* в отдельных областях, которые указываются надежными источниками, и поэтому, опираясь на тщательный анализ большого числа источников, д-р Праан Нат дает новое определение слову *gāma* — поместье. Определение, как мне кажется, верное и позволяющее понять правильно целый ряд явлений в области сельской экономики Индии. В одном месте (стр. 33) автор, как будто, допускает и толкование слова как «деревня», но сейчас же затем он совершенно категорически устанавли-

вает значение «поместье», как единственное, отвечающее его реальному употреблению в источниках. Но здесь-то, как мне кажется, и заключается ошибка автора, потому что в ряде случаев понимание гṛāma как «поместье» не отвечает реальному употреблению слова, которое необходимо толковать как «деревня». Так, мы имеем случай, где царь (конец XII в. Центр. Индия)¹ в надписи указывает, что он строит храм в таком-то гṛāma. Трудно себе представить, чтобы царь строил храм в поместьи. Но еще определеннее такое, напр., указание в надписи конца V в. н. э.,² тоже в Центральной Индии: царь обращается к домохозяевам, начиная с брахманов, и ремесленникам такого-то гṛāma с сообщением, что он данный гṛāma отдал во владение такому-то брахману. Ясно, что здесь никак не может идти речь о поместьи, и таких указаний можно привести большое количество из разных местностей и разного времени. Отсюда ясно, что слово гṛāma должно значить не только поместье, а и деревня. В обиходном употреблении оно иногда применялось даже к городу.

Очень ценны и важны указания д-ра Пран Ната относительно территориальных и административных делений Индии, причем он особенно обращает внимание на то, что до сих пор не учитывают, что старые термины, как «царство», продолжают принимать по отношению к территориям ничтожного объема, увлекаясь громкой титулатурой индийских правителей в их надписях и иных документах. Автор глубоко прав, что старое понимание давало нам совершенно неправильное представление о государственном и социальном строе феодальной Индии. Д-р Пран Нат правильно старается, где только возможно, увязать материалы, касающиеся домусульманской Индии, с данными при великих моголах и в настоящее время. Он дает нам этим очень ценный материал для правильной периодизации истории Индии.

Не менее интересны и поучительны следующие главы, где автор касается: мер и весов, процентов на капитал, цен на предметы ежедневного употребления и ряда других цен, количества населения, землевладельческого класса, рабочего класса, с указаниями на заработную плату, положения рабочего класса. Я надеюсь в ближайшем будущем вернуться к крайне интересной и ценной книге д-ра Пран Ната и остановиться подробнее на отдельных затронутых в ней вопросах.

Мне кажется, что эта книга может служить ярким показателем того, что местные исследователи в Индии, когда они отрешаются от узкого национализма, а тем более шовинизма, могут дать исследования, которые невозможны для живущих в стране специалистов, за недостаточностью для них целого ряда как материалов, так и подхода к ним. Книга д-ра Пран Ната не единственная в своем

¹ Epigr. Ind. 1, 45 сл.

² J. Fleet Gupta inscript. 117 сл.

роде, мы имеем интересные и важные экономические и социальные исследования по отдельным районам, имеем и отдельные исторические исследования индийских ученых, чрезвычайно ценные, но, к сожалению, велико число и таких псевдо-исторических работ, как книга Бандьопадья о Каутильи. Укажем, например, хотя бы на выпущенную в 1930 г. книгу Р. Т. Srinivas Iyengar «A short history of India», чисто внешнее, поднастийное описание истории Индии, не дающее никакого представления о ходе развития индийских культур, ни малейшего представления о классах и их борьбе, о чем имеются богатейшие материалы, — никакого представления об экономике Индии. А автор преподаватель истории в Мадрасском университете! Надо пожелать, чтобы столь ненормальная постановка изучения истории и экономики в самой Индии была скорее изжита.

И. Ю. Крачковский

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЙЕМЕНА

(Rathjens- v. Wissmannsche Südarabien-Reise. Band 1. Sabäische Inschriften bearbeitet von J. H. Mordtmann und Eugen Mittwoch. Mit Abbildungen und Karten. Hamburg. Friedrichsen, de Gruyter und Co. m. b. H. 1931. Quart. XVI + 270. RM 20. — Hamburgische Universität. Abhandlungen aus dem Gebiet des Auslandskunde. Band 36 — Reihe B. Völkerkunde, Kulturgeschichte u. Sprachen. Band 17)

Изучение южно-арабской древности за последние годы перешло в новую стадию. «Сабейстика» как бы стремится оформить себя и постепенно превращается из подсобной второстепенной области семитологии в самостоятельную дисциплину. Она начинает создавать и руководства учебного характера, и выводы, подводящие итог всему достигнутому до настоящего времени, и специальные монографии, направляющие исследование в незатронутые раньше области. Характерным показателем некоторого оживления явился выход в 1926 г. грамматики Ign. Guidi¹ — первой учебной в этой области, давшей в руки учащимся и некоторый текстовый материал² с удобным словариком.³ Единственным предшественником ее в грамматической литературе был труд Ft. Hommel'я,⁴ строившийся по иному принципу и мало пригодный теперь для начального изучения по состоянию разработки в 90-х годах. Через год после учебной грамматики Ign.

¹ *Summarium grammaticae arabicae meridionalis auctore Ignatio Guidi* (Le Muséon, XXXIX, 1—32).

² На стр. 19—26 помещены с переводом четыре надписи, взятые из *Corpus Inscriptionum Semiticarum*.

³ Стр. 27—32 (сабейским шрифтом с латинской транскрипцией).

⁴ *Süd-arabische Chrestomathie (minäo-sabäische Grammatik-Bibliographie-minäische Inschriften nebst Glossar)*. München, 1893, 40, VI + 136 (литография).